

КОГНИТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО

Философия сознания

К вопросу об атрибутах сознания

С.С. Мерзляков

Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-5-80-96

Оригинальная исследовательская статья

Аннотация

Одной из основных задач науки о сознании является определение функции сознания. В статье рассматривается вопрос о гипотетической функции сознания как атрибуте сознания на примере воображения. В контексте вопроса об атрибутах сознания рассмотрен феномен афантазии, т.е. отсутствия воображения. Несмотря на отсутствие оформленных представлений о функции сознания и сужение наукой о мозге пространства, в котором субъективный опыт необходим для функционирования человека, в современной западной философии наблюдается тенденция к расширению присутствия сознания в мире. Результатом этой «эмансипации сознания» являются представления о теоретической сущностной близости человека и других агентов: животных, искусственного интеллекта, растений. Следствием «эмансипации сознания» становится и появление современных версий панпсихизма, которые предлагают расширить пространство распространения сознания на мир в целом. Однако исследования в области сознательных когнитивных процессов показывают, что задачи, выполнение которых нуждается в участии сознания согласно привычным установкам, в некоторых случаях успешно выполняются без него. Например, феномен афантазии показывает, что задачи на воображение выполняются в отсутствие способности воображать. Поэтому важно принимать во внимание теоретическую возможность отсутствия реализации функции сознания. Это позволяет задать вопрос о наличии сознания в том пространстве, которое наделяется сознанием согласно доминирующим в философии интуициям. В данной статье на примере вопроса об атрибутах сознания показаны ограничения программы по

эмансипации сознания, а также обсуждается альтернативный вариант решения вопроса о распространении сознания в мире.

Ключевые слова: трудная проблема сознания, воображение, эмансипация сознания, субъект, афантазия.

Мерзляков Сергей Сергеевич – кандидат философских наук, научный сотрудник лаборатории философии хозяйства Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

merzlyakovss@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-5047-1690>

Для цитирования: Мерзляков С.С. (2019) К вопросу об атрибутах сознания // Философские науки. 2019. Т. 62. № 5. С. 80–96.

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-5-80-96

On the Attributes of Consciousness

S.S. Merzlyakov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-5-80-96

Original research paper

Abstract

One of the main fields of consciousness studies is the search for the function of consciousness. The article deals with the hypothesis of the function of imagination as an attribute of consciousness. In the regard of the issues of the attributes of consciousness, the author analyzes the phenomenon of aphantasia, that is, lack of imagination. Despite the lack of formalized ideas about the function of consciousness and despite the scientific trend of the narrowing research areas where subjective experience is necessary for a normal behavior of brain, there is a tendency to expand the presence of consciousness in the world in the modern Western philosophy of consciousness. The result of this “emancipation of consciousness” is the idea of the theoretical essential closeness of a human being and other agents: animals, artificial intelligence, plants. A consequence of the “emancipation of consciousness” is the emergence of modern versions of panpsychism, which propose expanding the space of consciousness to the world as a whole. However, studies in the field of conscious cognitive processes show that the processes that need the participation of consciousness, according to the standard intuitions, in some cases successfully performed without it. For example, the phenomenon of aphantasia shows that the tasks of imagination are performed in the absence of the ability to imagine. Therefore, it

is important to take also into account the theoretical possibility of the lack of the realization of the function of consciousness. This makes it possible to ask a question about the presence of consciousness in the space that is traditionally endowed with consciousness, according to the dominant views in philosophy. Therefore, by approaching the question of the attributes of consciousness, the author demonstrates the limitations of the program for the emancipation of consciousness and offers an alternative solution to the question of the scale of the presence of consciousness in the world.

Keywords: hard problem of consciousness, imagination, emancipation of consciousness, subject, aphantasia.

Sergei S. Merzlyakov – Ph.D. in Philosophy, Research Fellow at the Laboratory of the Philosophy of Economics, Lomonosov Moscow State University.

merzlyakovss@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-5047-1690>

For citation: Merzlyakov S.S. (2019) On the Attributes of Consciousness. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filozofskie nauki*. Vol. 62, no. 5, pp. 80–96. DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-5-80-96

Введение

Одним из основных вопросов философии является вопрос о природе и функции сознания. В современной интерпретации этот вопрос известен как «трудная проблема сознания», которая указывает на онтологическую несводимость субъективных переживаний к механике физического мира [Chalmers 1995]. При этом в качестве главного атрибута сознания указывается феноменальное переживание [Sytsma 2014].

Попытка описания феноменальных переживаний человека на языке физикализма наталкивается на психофизическую проблему, одним из следствий которой является сложность определения функции сознания и механизмов ее реализации: в настоящее время не существует общепринятого представления о том, зачем сознание вообще нужно.

Для физикалиста очевидно, что идеальное не способно оказывать какое-либо влияние на мир физических объектов. Из чего следует, что функции у сознания как феноменального переживания нет и быть не может. Однако подобная позиция не позволяет двигаться вперед в исследовании сознания, поскольку упирается в эпифеноменализм, т.е. в представление о том, что ментальные феномены не могут быть причинами изменений в

материальном мире. Иначе говоря, позиция, согласно которой сознание существует, но не оказывает влияния на мир, является тупиком в исследовании сознания. Поэтому одной из основных задач исследования сознания является поиск возможной функции субъективных переживаний (1), т.е. поиск момента актуализации сознания.

Функционализм как одна из ведущих теорий в современной философии строит свою теоретическую базу на определении сознания через функциональные состояния [Block 1996]. В этом случае атрибутивным свойством сознания оказывается выполняемая им роль. При этом функция сознания может не зависеть от того материала, на котором она реализуется. Другими словами, сознание, согласно функционализму, может быть реализовано не только на основе мозга человека, но и на базе нервной системы других животных. Более того, функционализм предполагает, что сознание может быть реализовано и на небиологическом субстрате. В этом смысле, «...если ответить на вопрос “Для чего нужно сознание?”», то это будет ответом и на вопрос “Что такое сознание?”» [Прист 2000, 171].

Несмотря на критику со стороны философов, занимающих иные исследовательские позиции (в частности, они критикуют функционализм за игнорирование самой проблемы существования феноменального переживания, см., например: [Чалмерс 2013, 242]), функционализм указывает на принципиальную важность определения роли сознания: этот подход позволяет дискуссии о сознании выйти в область практики, поставить вопрос об эволюционной причине появления сознания, пытаться указать на момент актуализации сознания и т.д. Таким образом, вопросы о природе сознания и его функции связаны и являются элементами одной и той же проблемы [Blackmore 2005, 46]. Эта связь позволяет рассмотреть феноменальную природу сознания и его потенциальную функцию в контексте вопроса об атрибутивных свойствах сознания.

Говоря о свойствах сознания, Ф.И. Гиренок в книге «Аутография языка и сознания» пишет: «У сознания есть два атрибута: воображение и изображение» [Гиренок 2010, 8]. В более поздней работе «Клиповое сознание» тот же автор отмечает, что воображение и изображения – это свойства сознания [Гиренок 2016, 6]. Однако атрибут – это не просто свойство, но свойство необходимое, то есть сущностное. Другими словами, термин «атрибут» несет более сильную смысловую нагрузку, чем термин «свойство».

Скорее всего, Ф.И. Гиренок в данном случае просто не придает значения терминологии, считая, что в контексте самих текстов термины «атрибут» и «свойство» являются равнозначными. Возможно, в контексте указанных работ это действительно так, но это различие в терминах является поводом для нас рассмотреть вопрос об атрибутах сознания. В данном случае нас интересует именно свойство атрибутивности: без каких свойств сознание перестает быть сознанием? И к каким теоретическим следствиям может привести вопрос об атрибутах сознания?

Проблема атрибутов сознания

В тезисе «у сознания есть два атрибута: воображение и изображение» под изображением Ф.И. Гиренок понимает само существование субъективных переживаний, а под воображением понимается функция сознания, его актуализация. Идея связи воображения и сознания является одной из самых устойчивых в философии. Ж.-П. Сартр пишет об этой связи: «Воображение не является некоей эмпирической и дополнительной способностью сознания, оно есть само сознание в целом, поскольку в нем реализуется свобода сознания; любая конкретная и реальная ситуация сознания в мире наполнена воображаемым в той мере, в какой она всегда представляет собой выход за пределы реального» [Сартр 2001, 306]. При этом «выход за пределы реального», т.е. способность реагировать не только на стимулы из окружающего мира, но и на представляемые объекты, является одной из наиболее вероятных функций сознания. Бергсон по поводу способности человека моделировать некоторую ситуацию в воображении и реагировать на нее пишет следующее: «Чтобы вызвать прошлое в форме образа, надо иметь способность отвлекаться от настоящего действия, надо уметь придавать цену бесполезному, нужна воля к грезам. Возможно, что один только человек способен к усилию этого рода» [Бергсон 2008, 247]. Таким образом, Бергсон указывает на возможную видоспецифичность воображения.

Деннет в работе «Виды психики» предлагает мысленный эксперимент на воображение: «Пожалуйста, представьте себе, достаточно детально, человека в белом халате, который взбирается вверх по веревке, держа в зубах красное пластмассовое ведро. Вам будет несложно это представить, – Деннет указывает на способность человека реагировать на внутренние переживания и тут же высказывает сомнения по поводу наличия данной способности у

животного. – Может ли шимпанзе выполнить такое же мысленное задание? Не знаю» [Деннет 2004, 161]. Таким образом, воображение не просто связано с сознанием, но потенциально является сущностным видоспецифическим признаком человека.

Но является ли воображение атрибутом сознания? Является ли вообще необходимостью функциональная состоятельность сознания или достаточно лишь факта наличия феноменальных переживаний для того, чтобы мы говорили о сознании? Если мы определяем сознание без обращения к его функции, то возвращаемся к тупиковой исследовательской позиции. Потому что даже если мы определим функцию сознания у человека, а потом каким-либо способом обнаружим, что эта функция не реализуется у другого человека или даже у животного, то все равно не сможем отказать ни первому, ни даже второму в наличии сознания, поскольку сам онтологический статус сознания как восприятия от первого лица препятствует этому: мы не можем отказать кому-либо в наличии сознания, потому что в принципе не обладаем доступом к чужому субъективному миру. Разумеется, в этом случае воображение (либо другая функция) ни в коем случае не является атрибутом сознания, т.е. необходимым свойством: если субъективные переживания можно отделить от их функции, то эта функция не может быть атрибутом сознания. Но достаточно ли наличия воспринимающего субъекта для того, чтобы мы говорили о сознании?

Таким образом, проблема атрибутов сознания осложняется тем, что в случае обнаружения функции сознания без эмпирического подтверждения реализации этих функций мы не сможем с уверенностью указать на отсутствие субъективных переживаний, т.е. на отсутствие сознания: если функция сознания не является его атрибутом, то говорить о его отсутствии нельзя.

Обратим внимание на одно из самых любопытных следствий обнаружения функции сознания: после определения функции субъективных переживаний мы попадаем в пространство этики, и проблема субъективных переживаний становится этической проблемой. Если у сознания есть функция, то может ли она по-разному реализовываться у людей? И что делать в том случае, если у человека эта функция вообще не реализована?

Здравый смысл нам подсказывает, что субъективный мир людей более или менее схож. То есть мы переносим свой внутренний опыт на остальных людей, предполагая, что их внутренние пере-

живания напоминают наши. Однако исследования в области психологии восприятия, неврологии и других смежных дисциплин указывают на ошибочность этого представления: субъективный опыт людей может существенно различаться. Например, большинству людей сложно даже представить, что значит воспринимать звук цветным. Однако есть люди, для которых восприятие определенного звука сопровождается восприятием определенного цвета [Рамачандран 2006, 72–96]. Вариантом этой особенности является восприятие черных цифр на бумаге в различном цвете. Например, цифра «5» воспринимается как красная, а цифра «9» – как желтая: некоторые переживания влекут за собой параллельную активацию другого чувства. Подобное смешение чувств получило название синестезии. Пример синестезии демонстрирует существование психических феноменов, которые нельзя считать универсальными для всех людей. В этом случае возникает вопрос: является ли сознание универсальным феноменом? Если мы не найдем у кого-либо эмпирического подтверждения актуализации того, что указывает на существование феноменального переживания, то что это будет значить? Если допустить, что функцией сознания является воображение, а сущностный признак человека – это именно сознание, то как быть с теми, у кого эта функция реализована минимально или не реализована вообще?

«Слепое воображение»

Способность создавать воображаемые образы предметов, оперировать ими и откликаться эмоцией на эти образы при отсутствии внешнего стимула является одним из самых привычных и неотъемлемых элементов нашей повседневной жизни. Однако еще в XIX в. были описаны случаи отсутствия воображения как способности создавать ментальные образы и управлять ими [Galton 1880]. В течение долгого времени этот феномен оставался малоизученным, и только в начале XXI в. исследования отсутствия воображения попадают в фокус «большой науки» (см., например: [Faw 2009]). В 2010 г. вышла статья, где рассматривается случай «слепого воображения», названный так исследователями этого феномена по аналогии со «слепым зрением» [Zeman et al. 2010]. «Слепое зрение» – это способность слепых людей корректно реагировать на визуальные стимулы, несмотря на то, что эти стимулы не попадают в субъективно воспринимаемое пространство. В этом случае человек говорит, что он ничего не видит, но при этом верно

определяет то, что находится перед ним. Этот феномен показывает, что способность реагировать на визуальные стимулы из внешнего мира не привязана жестко к субъекту и может реализовываться, по крайней мере в некоторой степени, без его участия.

В статье 2010 г. авторы описывают пациента, потерявшего способность оперировать воображаемыми образами после перенесенной операции. Он не мог произвольно представлять себе тот или иной объект, хотя остальные когнитивные функции работали у него нормально. Однако наиболее любопытным является не само по себе отсутствие воображения, но то, что, несмотря на неспособность создавать воображаемые объекты и оперировать ими, этот пациент справлялся со стандартными задачами на воображение. При этом в ходе выполнения этих задач у него функционировали не те области мозга, которые активизировались при выполнении тех же задач на воображение у людей из контрольной группы. Получается, корректное выполнение задач на воображение оказалось возможным в отсутствие самого воображения. Авторы отмечают, что их исследование демонстрирует альтернативные стратегии выполнения тех задач, выполнение которых традиционно связывалось со способностью оперировать внутренними образами. При этом одна из этих стратегий вообще не нуждается в представляемых феноменальных переживаниях. Поэтому в статье этот феномен назван авторами «слепое воображение» – задача на воображение выполняется, несмотря на отсутствие субъективно воспринимаемых воображаемых образов.

Это исследование демонстрирует разные когнитивные способы кодирования и актуализации информации. Пациент со «слепым воображением» верно и с корректными визуальными деталями описывал пригород Эдинбурга. Но когда его спросили, как ему это удастся, он ответил: «Я могу вспомнить визуальные детали, но я не могу увидеть их... Я не могу объяснить это...». Таким образом, то поведение, которое, как нам кажется, с необходимостью нуждается в феноменальном представлении, вовсе в нем не нуждается. По крайней мере, результат может не зависеть от наличия или отсутствия у нас способности к мысленному представлению образов. В последующей статье авторы описываемого исследования предложили название исследуемому феномену – афантазия, т.е. отсутствие фантазии как способности иметь ментальные образы [Zeman et al. 2015].

После опубликования статьи о пациенте с афантазией к авторам начали обращаться люди со схожими особенностями, что указывает

на то, что описанный случай отсутствия воображения не является единичным. Интересен один из случаев афантазии, ясно демонстрирующий, что воображение как способность оперировать представляемыми образами не является ни универсальной чертой человека, ни, что крайне удивительно, условием его нормального существования. Блэйк Росс, американский программист и бывший сотрудник компании «Facebook», описывает отсутствие у себя способности воображать [Ross 2016]. Он пишет, что никогда в своей жизни не обладал способностью визуализировать предметы и всегда считал, что «считать овец» – это метафора. По его словам, если ему предложить представить в воображении, например, пляж, то он скорее начнет думать о «концепте» пляжа: он знает, что там есть песок; знает, что там есть вода; знает, что там есть солнце и, возможно, спасатели. То есть он обладает фактической информацией о пляже и использует пропозициональное знание для того, чтобы корректно работать с этой информацией, в том числе использовать ее в коммуникации: он может свободно и корректно использовать слово «пляж». Но он не может представить себе пляж: у него нет никакого феноменально переживаемого опыта – ни визуального, ни звукового, ни эмоционального, ни какого-либо другого сенсорного опыта.

Его описание своей жизни без воображения довольно детально и демонстрирует способность человека вполне корректно справляться с теми задачами, которые в традиционном представлении нуждаются в воображении для того, чтобы быть выполненными. То есть его опыт указывает на альтернативный способ решения подобных задач без использования субъективно воспринимаемых ментальных конструкций. При этом Блэйк Росс был искреннее обескуражен тем, что другие люди имеют некий опыт визуализации объектов. Следовательно, для него воображение примерно то же самое, что для обычного человека синестезия – неизвестное и непонятное переживание.

Таким образом, даже такое привычное нам явление, как воображение, оказывается в некоторой степени «лишним» в списке обязательных характеристик человека: воображение как способность оперировать образами не является ни универсальной, ни даже важной для нормального функционирования человека способностью. Однако все же обратим внимание на то, что феномен афантазии в том виде, в каком он описывается в настоящее время, не указывает на отсутствие воображения как такового. Нельзя оценивать воображение исключительно по характеристикам ярко-

сти или живости ментальных образов и понимать под воображением только способность оперировать оформленными образами (см., например: [Pylyshyn 1973]). Во-первых, потому что яркость или живость образов – это субъективные оценки людей. Отсутствие субъективно переживаемых образов может быть не результатом отсутствия воображения, но следствием искажения метакогниции (2). Во-вторых, не очевидно, что реагировать без внешнего стимула можно исключительно на образ предмета. Вместо образа могут быть, например, двигательные паттерны, пропозиции или пространственные восприятия. В-третьих, феномен афантазии может иметь в основании психологическую дисфункцию [De Vito, Bartolomeo 2016; Zeman et al. 2016]. Поэтому нельзя уверенно сказать, что если воображение является функцией сознания, то у людей с афантазией сознание свою функцию не выполняет. Феномен отсутствия воображения только начинает изучаться.

Пример афантазии нам нужен был не столько для выяснения является ли воображение атрибутом сознания, сколько для того, чтобы указать на принципиальную возможность отсутствия реализации функции сознания и, следовательно, на принципиальную возможность отсутствия самого сознания. Если даже воображение может быть успешно заменено «слепыми» когнитивными процессами, то что еще находится в тени наших представлений и скрывается за ширмой здравого смысла? Таким образом, указание на возможную разницу в реализации функции сознания обращает наше внимание на то, что само влияние сознания на поведение (если оно вообще есть) может не являться универсальным свойством человека. Это значит, что теоретически не у каждого человека сознание следует искать, потому что не у каждого человека его можно найти.

Обратим внимание, что это направление исследований дает выход не только в науку о сознании, но и в этику. Если сущностная черта человека – сознание, а воображение – функция сознания, но при этом мы обнаруживаем, что эта функция у какого-то человека не реализуется, то что это значит? Можно ли в этом пространстве найти этические основания?

Эмансипация сознания

Идея исключительности человека была подвергнута сомнению в процессе накопления научных данных о природе человека и других животных. На смену представлению о специфике человека пришла идея о близости людей и других видов живых

организмов. Это означало, что предполагаемые ранее видоспецифическими характеристики человека распространились и на других животных. Это касается и сознания. Так, в XX в. высшими психическими функциями были наделены некоторые животные (см., например: [Зорина, Смирнова 2006, 283–301]). Закономерным результатом развития этого направления стал анимализм [Olson 2015]. Далее эта «эмансипация сознания» расширила пространство считавшихся ранее сугубо человеческими свойств уже на неживую природу: появилась идея реализации сознания на искусственном носителе (см., например: [Тьюринг 2003]). Эта идея послужила катализатором для начала обсуждения различных версий компьютерного интеллекта (см., например: [Чалмерс 2013, 389–412]). Дальнейшее расширение пространства сознания привело к появлению современных версий панпсихизма и обсуждению протофеноменальных свойств материи (см., например: [Koch 2014]).

В процессе «эмансипации сознания» сознание проделало путь от исключительного свойства человека до универсального свойства материи. Таким образом, апофеозом этого процесса становится представление о повсеместном распространении сознания в мире.

Однако обратим внимание на то, что по этой дороге можно идти и в противоположном направлении. Исследования в области осознаваемых процессов показывают, что задачи, выполнение которых, согласно традиционным исследовательским установкам, требует участия сознания, в некоторых случаях успешно выполняются и без него. Например, феномен афантазии демонстрирует, что задачи на воображение могут быть выполнены без способности воображать. Несмотря на отсутствие у человека способности оперировать ментальными образами, он корректно справляется с задачами на воображение. Более того, как показывает пример Блэйка Росса, врожденное отсутствие воображения не мешает построить карьеру и реализоваться в качестве успешного субъекта социального взаимодействия. То есть те задачи, для решения которых большинство людей используют такую функцию, как воображение, могут быть успешно решены альтернативными способами. Таким образом, мы должны принимать во внимание теоретическую возможность отсутствия реализации функции сознания, что позволяет задать вопрос о наличии самого сознания. Возможно, у животных есть сознание в виде субъективных переживаний; возможно, мож-

но создать сознание на искусственном носителе; возможно, верен панпсихизм; но также возможно и то, что находится на противоположной от панпсихизма стороне спектра распределения сознания в мире – отсутствие сознания там, где оно должно быть согласно традиционным установкам здравого смысла.

Д. Деннет в работе «Сладкие грезы: чем философия мешает науке о сознании» рассуждает о мысленном эксперименте «философский зомби», который предлагает представить гипотетического двойника человека, не обладающего внутренним миром: «Никто из философов не думает, что действительно существуют какие-то там зомби, но многие философы считают, что важно учитывать (логическую) возможность того, что зомби могли бы существовать, а также то, каковы следствия такой возможности» [Деннет 2017, 133]. Эти слова Д. Деннета показывают, насколько избирательны философы в вопросе распределения сознания в мире: никто из философов всерьез даже не задумывается о том, чтобы наложить ограничения в распределении сознания на самого человека (3), хотя движение в противоположном направлении, т.е. расширение присутствия сознания в мире, не встречает особого сопротивления. Возможно, этот вектор на эмансипацию сознания может являться следствием парадигмы толерантности западной культуры, основанием которой является запрет на ограничения по какому-либо признаку. В данном случае по признаку наличия сознания. При всей своей этической привлекательности эта парадигма обладает отрицательным свойством, характерным для любой системы взглядов: парадигмы в принципе слепы к альтернативам. В случае науки о сознании альтернативой эмансипации сознания будет вектор на ограничение присутствия сознания в мире, в том числе и за счет представления о гипотетически неравномерном распределении сознания в том пространстве, которое сегодня наделяется сознанием равномерно.

Исследования психических процессов показывают, что большинство явлений, сопровождающихся субъективным опытом, в нем не нуждаются: наш организм способен корректно выполнять свои функции и без сопровождения субъективными переживаниями. При этом пространство не нуждающихся в сознании когнитивных функций продолжает расширяться. Кроме того, корректное выполнение некоторых задач может реализовываться благодаря альтернативным когнитивным процессам, которые проходят «в темноте», т.е. не нуждаются в феноменальном переживании.

Но если сознание не является необходимостью в поведении человека, то какие у нас основания расширять присутствие сознания в мире? Логичнее ограничивать это присутствие. Таким образом, мы наблюдаем противоречие между эмпирической наукой о мозге, сужающей пространство необходимости сознания, и процессом эмансипации сознания, т.е. расширением представлений о присутствии сознания в мире.

Заключение

Вопрос об атрибутах сознания, а точнее о потенциальной функции сознания как атрибуте сознания, приводит нас к идее о возможности ограничения распространения сознания в мире.

Если вопрос о функции приводит функционалистов к выводу о том, что сознание может быть реализовано на разных носителях, т.е. к движению в направлении эмансипации сознания, то нас — к ограничению распространения сознания. Эта методологическая позиция вместо вопроса «Может ли сознание реализовываться на разных носителях?» задает вопрос «Может ли сознание не реализовываться на одном и том же носителе?».

Альтернативой вектору на эмансипацию сознания является вектор на ограничение распространения сознания в мире. Если панпсихизм как представление о широком распространении сознания в мире находится на одном конце спектра распределения сознания и дает отдаленный по времени выход из теории в физику, то вектор на ограничение сознания в качестве стратегии поиска функции сознания и значимых отличий в реализации этих функций между людьми дает выход в современную науку: психологию, психиатрию и биологию.

Кроме того, представление об ограничении распространения сознания может быть полезно как теоретический конструкт, позволяющий выйти в пространство этики и задать вопрос об этических следствиях отсутствия реализации функции сознания. Если изображение, т.е. феноменальное переживание, является атрибутом сознания, то является ли атрибутом сознания его функция? Что делать, если эта функция у человека не реализуется, и мы вообще не можем указать на наличие сознания, которое потенциально является сущностным свойством человека и его онтологическим отличием от всех остальных объектов мира? Возможна ли онтологическая разница между людьми? Таким образом, вопрос об атрибутах сознания позволяет говорить об альтернативах и огра-

ничениях программы по эмансипации сознания, а также выйти в пространство новых этических исследований.

ПРИМЕЧАНИЯ

(1) Обратим внимание на то, что у сознания может и не быть адаптивной функции, появившейся в ходе эволюции. Появление признака может не носить приспособительного характера, быть случайным или сопровождать появление другого признака. В этом случае нас интересует не функция сознания, но эффекты, оказываемые сознанием на поведение, т.е. следствия сознания. Если таких эффектов нет, то мы снова возвращаемся на позицию эпифеноменализма.

(2) Хотя есть исследования, которые указывают на то, что феномен афантазии все же не является следствием нарушения метакогниции. См., например: [Keogh, Pearson 2018].

(3) Программа по элиминации сознания самого Д. Деннета не является примером такого ограничения, потому что предполагает отсутствие «трудной проблемы сознания», а не поиск ее решения в противоположном от эмансипации сознания направлении.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Бергсон 2008 – *Бергсон А.* Две памяти // Психология памяти. – М.: АСТ; Астрель, 2008. С. 244–256.

Гиренок 2010 – *Гиренок Ф.И.* Аутография языка и сознания. – М.: МГИУ, 2010.

Гиренок 2016 – *Гиренок Ф.И.* Клиповое сознание. – М.: Проспект, 2016.

Деннет 2004 – *Деннет Д.* Виды психики: На пути к пониманию сознания. – М.: Идея-Пресс, 2004.

Деннет 2017 – *Деннет Д.* Сладкие грезы: Чем философия мешает науке о сознании. – М.: УРСС, 2017.

Зорина, Смирнова 2006 – *Зорина З.А., Смирнова А.А.* О чем рассказали «говорящие» обезьяны: Способны ли высшие животные оперировать символами? – М.: Языки славянских культур, 2006.

Прист 2000 – *Прист С.* Теории сознания. – М.: Идея-Пресс; Дом интеллектуальной книги, 2000.

Рамачандран 2006 – *Рамачандран В.С.* Рождение разума. Загадки нашего сознания. – М.: Олимп-Бизнес, 2006.

Сартр 2001 – *Сартр Ж.-П.* Воображаемое. Феноменологическая психология восприятия. – СПб.: Наука, 2001.

Тьюринг 2003 – *Тьюринг А.* Вычислительные машины и разум // *Хофштадтер Д., Деннет Д.* Глаз Разума – Самара: Бахрах-М, 2003. С. 47–59.

Чалмерс 2013 – *Чалмерс Д.* Сознательный ум: В поисках фундаментальной теории. – М.: УРСС, 2013.

Blackmore 2005 – *Blackmore S.* Conversations on Consciousness. – Oxford: Oxford University Press, 2005.

Block 1996 – *Block N.* What is functionalism? // *Borchert D.M. (Ed.)* The Encyclopedia of Philosophy Supplement. – New York: Simon and Schuster Macmillan, 1996. – URL: <http://www.nyu.edu/gsas/dept/philo/faculty/block/papers/functionalism.pdf> (дата обращения: 12.09.2017).

Chalmers 1995 – *Chalmers D.* Facing up to the Problem of Consciousness // *Journal of Consciousness Studies*. 1995. Vol. 2. No. 3. P. 200–219.

De Vito S., Bartolomeo P. 2015 – *De Vito S., Bartolomeo P.* Refusing to Imagine? On the Possibility of Psychogenic Aphantasia. A Commentary on Zeman et al. // *Cortex*. 2015. Vol. 74. P. 334–335.

Faw 2009 – *Faw B.* Conflicting Intuitions May Be Based On Differing Abilities: Evidence from Mental Imaging Research // *Journal of Consciousness Studies*. 2009. Vol. 16. No. 4. P. 45–68.

Galton 1880 – *Galton F.* Statistics of Mental Imagery // *Mind*. 1880. Vol. 5. No. 19. P. 301–318.

Keogh, Pearson 2018 – *Keogh R., Pearson J.* The Blind Mind: No Sensory Visual Imagery in Aphantasia // *Cortex*. 2018. Vol. 105. P. 53–60.

Koch 2014 – *Koch C.* Ubiquitous Minds // *Scientific American Mind*. 2014. Vol. 5. No. 1. P. 26–29.

Olson 2015 – *Olson E.* What Does It Mean to Say That We Are Animals? // *Journal of Consciousness Studies*. 2015. Vol. 22. No. 11–12. P. 84–107.

Pylyshyn 1973 – *Pylyshyn Z.W.* (1973) What the Mind's Eye Tells the Mind's Brain: A Critique of Mental Imagery // *Psychological Bulletin*. 1973. Vol. 80. No. 1. P. 1–24.

Ross 2016 – *Ross B.* Aphantasia: How It Feels To Be Blind In Your Mind // Facebook. April 22, 2016. – URL: <https://www.facebook.com/notes/blake-ross/aphantasia-how-it-feels-to-be-blind-in-your-mind/10156834777480504/> (дата обращения: 24.09.2017)

Sytsma 2014 – *Sytsma J.* Attributions of Consciousness // *Wiley Interdisciplinary Reviews: Cognitive Science*. 2014. Vol. 5. No. 6. P. 635–648.

Zeman et al. 2010 – *Zeman A.Z., Della Sala S., Torrens L.A., Gountouna V.E., McGonigle D.J., Logie R.H.* Loss of Imagery Phenomenology with Intact Visuo-Spatial Task Performance: A Case of “Blind Imagination” // *Neuropsychologia*. 2010. Vol. 48. No. 1. P. 145–155.

Zeman et al. 2015 – *Zeman A., Dewar M., Della Sala S.* Lives without Imagery – Congenital Aphantasia // *Cortex*. 2015. Vol. 73. P. 378–380

Zeman et al. 2016 – *Zeman A., Dewar M., Della Sala S.* Reflections on Aphantasia // *Cortex*. 2016. Vol. 74. P. 336–337.

REFERENCES

Bergson H. (2008) Two Types of Memory. In: Gippenreiter Y.B. & Romanov V.Y (Eds.) *Psychology of Memory* (pp. 244–256). Moscow: AST; Astrel' (Russian translation).

Blackmore S. (2005) *Conversations on Consciousness*. Oxford: Oxford University Press.

Block N. (1996) What is Functionalism? In: Borchert D.M. (Ed.) *The Encyclopedia of Philosophy Supplement*. New York: Simon and Schuster Macmillan. Retrieved September 12, 2017, from <http://www.nyu.edu/gsas/dept/philo/faculty/block/papers/functionalism.pdf>

Chalmers D. (1996) *The Conscious Mind: In Search of a Fundamental Theory* (Russian translation: Moscow: LIBROCOM, 2013).

Chalmers D. (1995) Facing up to the Problem of Consciousness. *Journal of Consciousness Studies*. Vol. 2, no. 3, pp. 200–219.

Dennett D. (1996) *Kinds of Minds: Towards an Understanding of Consciousness* (Russian translation: Moscow: Ideya-Press, 2004).

Dennett D. (2005) *Sweet Dreams: Philosophical Obstacles to a Science of Consciousness* (Russian translation: Moscow: URSS, 2017).

De Vito S. & Bartolomeo P. (2015) Refusing to Imagine? On the Possibility of Psychogenic Aphantasia. A Commentary on Zeman et al. *Cortex*. Vol. 74, pp. 334–335.

Faw B. (2009) Conflicting Intuitions May Be Based On Differing Abilities: Evidence from Mental Imaging Research. *Journal of Consciousness Studies*. Vol. 16, no. 4, pp. 45–68.

Galton F. (1880) Statistics of Mental Imagery. *Mind*. Vol. 5, no. 19, pp. 301–318.

Girenok F.I. (2010) *Autography of Language and Consciousness*. Moscow: MGIU (in Russian)

Girenok F.I. (2016) *Clip Consciousness*. Moscow: Prospekt (in Russian)

Keogh R. & Pearson J. (2018) The Blind Mind: No Sensory Visual Imagery in Aphantasia. *Cortex*. Vol. 105, pp. 53–60.

Koch C. (2014) Ubiquitous Minds. *Scientific American Mind*. Vol. 5, no. 1, pp. 26–29.

Olson E. (2015) What Does It Mean to Say That We Are Animals? *Journal of Consciousness Studies*. Vol. 22, no. 11–12, pp. 84–107.

Priest S. (1993) *Theories of the Mind* (Russian translation: Moscow: Ideya-Press, 2000).

Pylshyn Z.W. (1973) What the Mind's Eye Tells the Mind's Brain: A Critique of Mental Imagery. *Psychological Bulletin*. Vol. 80, no. 1, pp. 1–24.

Ramachandran V.S. (2003) *The Emerging Mind* (Russian translation: Moscow: Olimp-Biznes, 2006).

Ross B. (2016, April 22) Aphantasia: How It Feels To Be Blind In Your Mind. In: *Facebook*. Retrieved September 24, 2017, from <https://www.facebook.com/notes/blake-ross/aphantasia-how-it-feels-to-be-blind-in-your-mind/10156834777480504/>

Sartre J.-P. (2001) *The Imaginary: A Phenomenological Psychology of the Imagination*. Moscow: Nauka (Russian translation).

Sytsma J. (2014) Attributions of Consciousness. *Wiley Interdisciplinary Reviews: Cognitive Science*. Vol. 5, no. 6, pp. 635–648.

Turing A.M. (1950) Computing Machinery and Intelligence. *Mind* Vol. 49, pp. 433–460.

Zeman A.Z., Della Sala S., Torrens L.A., Gountouna V.E., McGonigle D.J., & Logie R.H. (2010) Loss of Imagery Phenomenology with Intact Visuo-Spatial Task Performance: A Case of “Blind Imagination.” *Neuropsychologia*. Vol. 48, no. 1, pp. 145–155.

Zeman A., Dewar M., & Della Sala S. (2015) Lives without Imagery – Congenital Aphantasia. *Cortex*. Vol. 73, pp. 378–380.

Zeman A., Dewar M., & Della Sala S. (2016) Reflections on Aphantasia. *Cortex*. Vol. 74, pp. 336–337.

Zorina Z.A. & Smirnova A.A. (2006) *What Did the “Speaking” Apes Tell About: Are the Higher Animals Capable to Operate with Symbols?* Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.